

5. Официальный сайт: www.perepis2002.ru. Последняя перепись населения проводилась в России в октябре 2010 года. Однако официальные данные пока не представлены для всеобщего ознакомления.

Мақалада осы заманғы Ресейдегі ұлтаралық дау-жанжалдың мәдениеттану аспектілері, бір аумақта тұратын әр түрлі халық өкілдерінің мәдениетаралық байланысы қарастырылады.

Часть 2

В первой части статьи внимание было сосредоточено на описании поликультурного пространства в связи с угрозой возникновения межэтнических конфликтов в современной России. Во второй части мы представим статистику этносов в современном мегаполисе – на примере Москвы – и проанализируем действие универсалий в сфере межкультурного общения, а также роль культуры титульной нации для предотвращения возможных меж-

культурных конфликтов на национальной почве.

Обратимся к данным народонаселения Москвы по данным переписи 2002 года [1]. В таблице 2, в отличие от таблицы 1, приведен весь список национальностей с указанием численности и процентного соотношения, поэтому в графе «Цивилизация / религия» указаны не только христианство и ислам, но и другие религии. К таблице 2 относятся те же замечания, что и к таблице 1 (см. пункты 2 и 3).

Таблица 2

Национальный состав населения Москвы

Национальность	Цивилизация / Религия	Численность (чел.)	% от общего
Русские	хр	8 808 009	84,83%
Лица, не указавшие национальность		417 126	4,02%
Украинцы	хр	253 644	2,44%
Татары	исл	166 083	1,60%
Армяне	хр	124 425	1,20%
Азербайджанцы	исл	95 563	0,92%
Евреи	иудаизм	79 359	0,76%
Белорусы	хр	59 353	0,57%
Грузины	хр	54 387	0,52%
Молдаване	хр	36 570	0,35%
Таджики	исл	35 385	0,34%
Узбеки	исл	24 312	0,23%
Мордва	хр	23 387	0,23%
Чуваши	исл	16 011	0,15%
Вьетнамцы	буддизм	15 616	0,15%
Чеченцы	исл	14 465	0,14%
Китайцы	даосизм	12 801	0,12%
Осетины	хр	10 561	0,10%
Лица других национальностей	–	9 796	0,09%
Корейцы	буддизм, хр	8 630	0,08%
Казахи	исл	7 997	0,08%
Пуштуны	исл	5 993	0,06%
Башкиры	исл	5 941	0,06%
Немцы	хр	5 271	0,05%
Аварцы	исл	4 950	0,05%

Из приведенных данных видно, что территория такого большого города, как Москва, оказывается привлекательной для представителей многих национальностей, и возможность возникновения конфликта на межнациональной почве становится более вероятной, особенно в тех условиях, когда происходит разграничение сфер влияния, рынка по национальному признаку.

Обратимся к анализу культурологической составляющей межкультурной коммуникации.

Одной из основополагающих универсалий, определяющих поведение человека в обществе, является универсалия «СВОЙ – ЧУЖОЙ» [2]. Самоидентификация человека в социуме происходит по многим параметрам: по гендерному параметру, языку, внешнему виду, возрасту, убеждениям, по степени образованности, сфере занятий, пристрастиям, гражданской принадлежности и многим другим. В результате действия каждого из параметров, взятых каждый отдельно или в совокупности разной конфигурации, человек соотносит себя с группами других людей, причем эти группы могут быть многочисленными и малочисленными, принадлежащими к доминирующим сообществам, или к периферийным, или маргинальным. Однако всякий раз человек испытывает потребность очутиться среди «своих», таких же, как он сам. Другие же, «чужие», оцениваются как «чуждые», своеобразные «враги».

Процесс социализации личности человека не ограничивается, однако, поиском «своих» и вычленения «чужих» – условия выживаемости человека в обществе предполагают также выработку навыков толерантности в отношении в «чужому». Мировые религии, в том числе христианство и ислам, формируют такие представления, те же цели ставит светское образование в европейской традиции.

«Понять, что ни "я", ни кто другой не есть пуп земли, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет...», – так пишет о цели каждого человека князь Николай Сергеевич Трубецкой после того, как он эмигрировал из революционной России в начале 20-х годов 20 века [3].

Однако, сколько бы ни старалось человечество вырабатывать уважение к чужому мнению в повседневной жизни, прислушиваться к мнению меньшинства в политической деятельности, очевидно, что противопоставление своих и чужих неискоренимо представлено в любой из форм социальной активности человека, поэтому понятно, насколько важен анализ

форм, выявление обусловленности социальных конфликтов, поиск и формирование механизмов регулирования в ситуациях социального кризиса. Указанные задачи характеризуют социологию как особую гуманитарную науку, и существует много направлений в изучении социальных конфликтов, проводятся симпозиумы, создаются центры, выпускаются журналы [4]. Наиболее значимы работы Л. Козера [5], считающего конфликт обязательным условием развития, возникновение конфликта заложено в природе человека, вступающего в борьбу за ценности и претендующего на повышение своего статуса, что в результате может привести к нанесению ущерба противнику или даже к уничтожению врага.

Р. Дарендорф [6], в отличие от Л. Козера, рассматривает деструктивные стороны социальных конфликтов, при этом равновесие и стабильность в условиях решения социального конфликта должна обеспечивать власть («конфликт в рамках консенсуса», «равновесно-интеграционная модель») и лидеры оппонентов власти. Стабильность в обществе обеспечивается механизмом поиска «общих сторон» и признания «правоты оппонента», т.е. воспитания плюралистического типа социального поведения.

Широко распространенные теории социальных конфликтов формируются на основе изучения отношений к собственности и власти, поэтому борьба за собственность и борьба за власть могут проходить по национальному признаку. Общеупотребительно в именовании рынков в Москве «вьетнамский», упоминание контроля рынков со стороны азербайджанской, чеченской группировок. Это повседневная реальность жизни и условие формирования социального конфликта по национальному признаку.

При всей разработанности теории социальных конфликтов в социологии, политологии, философии и непрекращающейся полемике, один аспект является очевидно недооцененным – влияние национальных стереотипов, формирующих культурно-обусловленные сценарии поведения человека. Именно этот аспект интересует нас прежде всего. Так, Л.Н. Гумилев приводит пример различий в поведении людей – представителей различных национальностей [7: 22]. В трамвае едут четверо – кавказец, татарин, латыш и русский. В тот же трамвай влезает буйный пьяный, что провоцирует действие собравшихся в соответствии с чертами национального характера. «Кавказец не стерпит и даст

в зубы». Татарин предпочтет отойти в сторону. Латыш, как представитель западноевропейского менталитета, начнет призывать милиционера, дабы тот восстановил порядок. Русский же посочувствует пьяному и посоветует «уйти от греха подальше», не то тот может попасть в милицию.

Приведенная история иллюстрирует устойчивые представления о национальных типах поведения татарина как представителя исламского мира, западникаприбалтийца, горячего кавказца и странного русского. Скорее будучи мифологемами, такие типичные черты национального характера, однако, служат основой сюжета многочисленных анекдотов, в которых противопоставляются типы поведения представителей разных национальностей.

Как оценивается «русскость» в противопоставлении «нерусскости»? Целое направление культурной антропологии (Cultural Anthropology), этнопсихологии (Ethnopsychology), психолингвистики (Psychological Linguistics), когнитивной антропологии (Cognitive Anthropology), когнитивной лингвистики (Cognitive Linguistics) представлено ныне серией многочисленных работ.

В нашей статье важно противопоставить прежде всего сценарий поведения русского как представителя славяно-православной цивилизации и представителей исламской цивилизации [8].

Кавказец, например, представляется русскому как тип человека, склонного к эмоционально неуравновешенному поведению, как человек, остро воспринимающий чужого в качестве врага, т.е. русский воспринимает кавказца как своеобразную угрозу размерности и заданности собственной жизни, как «захватчика». Нельзя сказать, что такое восприятие сложилось именно в настоящее время: войны на Кавказе делятся столетия, в русской классической литературе кавказец многократно представлен человеком, живущим по чужим для русского законам. Таковы персонажи повести «Бэла» в составе романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», повести «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстого, кавказский князек, муж Ольги, в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» [9].

Каков же русский в представлении русского человека? Существует обширная литература, в которой представлены различные точки зрения на менталитет, национальную картину русского человека. Очевидно, что «русскость» представляет собой многоликий феномен, в котором есть

различные пласты, иногда противоречащие друг другу. Прав был известный политолог Александр Александрович Зиновьев, утверждавший, что социальная организация современного россиянина является своеобразным гибридом советизма; западничества и национально-русского фундаментализма [10]. Действительно, сегодня, спустя 20 лет после событий 1991 года, в современной России, пережившей распад Советского Союза, – значительная часть российских граждан живет, добывает средства к существованию и, самое главное, думает фактически «посоветски». Однако важную роль в постсоветской России играла и играет русская культура, сформировавшаяся в течение длительного времени, в том числе – в эпоху Советского Союза, культура высочайшего мирового уровня, причем складывалась эта культура благодаря деятельности не только тех, кто был оплотом коммунистического режима, но и тех, кто противостоял власти.

Неуважение к власти, бунтарство, с одной стороны, и холопство, – с другой, составляют, по мнению Н. Бердяева, еще одну черту «русскости». Антиномии в национальном характере определяют сосуществование в русском национальном характере таких черт, как терпение и склонность к бунтарству. Поэтому и говорят: русский долго запрягает, но быстро едет. Другими словами, долготерпение в условиях социального конфликта при недоверии к власти всех уровней может привести к открытому конфликту как в отношении к другой национальной группировке, так и к государственной власти. Именно так и произошло в декабре на Манежной площади в Москве, именно поэтому волна протестов прокатилась по многим городам России, и очевидно, почему верховная власть приняла жесткие меры для подавления выступлений. Ясно также и то, что обычные рычаги регулирования конфликта, принятые в западноевропейской цивилизации, не действуют в современной России, именно поэтому культурологический фактор в определении сущности и путей разрешения социального конфликта должен быть основополагающим.

Каковы же могут быть механизмы выхода из социальных конфликтов в межнациональной коммуникации? Несомненно, велика роль конфессиональных лидеров. Так, после событий 11 декабря 2010 года важны были обращение Патриарха Кирилла, и выступление лидеров неформальных движений (в частности – клуба футбольных болельщиков), и действия властей

городского и государственного уровней. Однако нельзя не учитывать роли русской культуры, всего опыта российской истории в предупреждении и снятии напряженности конфликтов на национальной почве, роли русского языка как языка межнационального общения с его гуманитарными традициями, закрепленными в текстах классической русской литературы.

1. <http://worldgeo.ru/russia/lists/?id=33&code=77>
2. Чицова Л.А. Культурные универсалии "ПУТЬ / ДОРОГА", "СВОЙ / ЧУЖОЙ" в дидактике (менталитетные характеристики русского и тайваньца). – Тайбэй, 2002.
3. Памяти Н.С. Трубецкого // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – №2. – 1992.

4. "The Journal of Conflict Resolution" в Мичиганском университете (США), "The Journal of Peace Research" в Осло (Норвегия).
5. Coser, L. The Functions of Social Conflict. Glencoe, 1956.
6. Dahrendorf, R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Standfort, 1965.
7. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М., 2001.
8. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order (1996).
9. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0203/analit03.php>
10. Зиновьев А.А. Гомо советикус. – Лозанна, 1982.

* * *

Мақалада Мәскеу үлгісінде осы заманғы мегаполистеги этностар статистикасы, сондай-ақ ұлттық негізде болуы мүмкін мәдениетаралық дау-жанжалдың алдын алудағы титулды ұлт мәдениетінің рөлі айтылған.

G. H. Aliyeva

THE COGNITIVE LINGUISTICS AS A MODERN LINGUISTICS DIVISION

Cognitive linguistics is a modern school of linguistic thought and practice which is concerned with the relationship between human language, the mind and socio-physical experience. It emerged in the 1970s arising from rejection of the then dominant formal approaches to language in linguistics and philosophy. While its origins were, in part, philosophical in nature, cognitive linguistics has always been strongly influenced by theories and findings from other cognitive science disciplines, particularly cognitive psychology. This is particularly evident in work relating to human categorization, as evidenced in work by Charles Fillmore in the 1970s (e.g. 9) and George Lakoff in the 1980s (e.g. 18). In addition, earlier traditions such as Gestalt psychology have been influential, as applied to the study of grammar by Leonard Talmy (e.g., 21) and Ronald Langacker (e.g., 23). Finally, the character of cognitive linguistic theories have been influenced by the neural underpinnings of language and cognition. This is evident both in early work on how visual perception constrains color terms systems (e.g. 17) and more recent works on Text Meaning, and Understanding: A communicative-Cognitive Approach (1) and the Neural Theory of Language (12). Cognitive linguistics constitutes an 'enterprise', rather than a single closely-articulated theory. This follows as it is populated by a number of complementary, overlapping and occasionally, competing, theories. The cognitive linguistics enterprise derives its distinctive character from a number of guiding assumptions. In particular,

cognitive linguists assume a) that language is the outcome of general properties of cognition (the Generalisation Commitment; 18), b) that conceptual representation is the outcome of the nature of the bodies humans have and how they interact with the socio-physical world (the thesis of embodied cognition), (18), c) that grammar is conceptual in nature, (20; 23), and d) that meaning, as it emerges from language use, is a function of the activation of conceptual knowledge structures as guided by context; hence, there is no principled distinction between semantics and pragmatics, (7).

Cognitive linguistic practice can be divided into two main areas: cognitive semantics and cognitive (approaches to) grammar. The area known as cognitive semantics is concerned with investigating the relationship between experience, the conceptual system, and the semantic structure encoded by language. Specifically, scholars working in cognitive semantics investigate knowledge representation (conceptual structure), and meaning construction (conceptualization). Cognitive semanticists have employed language as the lens through which these cognitive phenomena can be investigated. Consequently, research in cognitive semantics tends to be interested in modeling the human mind as much as it is concerned with investigating linguistic semantics. A cognitive approach to grammar, in contrast, is concerned with modeling the language system (the mental 'grammar'), rather than the nature of mind per se. However, it does so by taking as its starting point